

КРИСТОФЕР

ИШЕРВУД

✧
Труды и дни мистера Норриса
Прощай, Берлин

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
И97

Серия «Зарубежная классика»

Christopher Isherwood
MR. NORRIS CHANGES TRAINS
GOODBYE TO BERLIN

Перевод с английского *В.Ю. Михайлина, А.В. Курт*

Серийное оформление *А.А. Кудрявцева*

Компьютерный дизайн *Р.Р. Алеева*

Печатается с разрешения наследника автора
и литературного агентства The Wylie Agency (UK), Ltd.

Ишервуд, Кристофер.

И97 Труды и дни мистера Норриса. Прощай, Берлин :
[сборник] / Кристофер Ишервуд ; [перевод с английского
В. Ю. Михайлина, А. В. Курт]. — Москва : Издательство
АСТ, 2020. — 448 с. — (Зарубежная классика).

ISBN 978-5-17-121683-2

В этот сборник вошли классические романы «берлинско-го» периода творчества Кристофера Ишервуда «Труды и дни мистера Норриса» и «Прощай, Берлин». Сюжет романа «Прощай, Берлин» лег в основу сценария бродвейского мюзикла «Кабаре» и культового одноименного фильма Боба Фосса с Лайзой Минелли в главной роли.

Берлин перед приходом к власти нацистов.

Здесь пока еще бурлит знаменитая на всю Европу ночная жизнь, рыдает джаз, горят огни кабаре и клубов. Здесь пока еще царят вольные нравы, процветают авантюристы всех мастей и пороки всех окрасов и реки алкоголя текут меж кокаиновых берегов. Здесь пока еще идут настоящие уличные бои между «красными» и «коричневыми», и никому не дано знать, каким будет завтрашний день. И молодые англичане — герои обоих романов Ишервуда — расширенными от наивного изумления глазами наблюдают за пестрым калейдоскопом удивительных лиц и событий, даже не представляя себе, как скоро придет конец этому странному, обаятельному и причудливому декадентскому миру...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Christopher Isherwood, 1935, 1939

© Перевод. А.В. Курт, 2019

© Перевод. В.Ю. Михайлин, 2019

© Издание на русском языке AST Publishers, 2020

ISBN 978-5-17-121683-2

Труды и дни мистера Норриса

Посвящается У.Х. Одуну

Глава первая

Мне с самого начала показалось, что глаза у него необычайного светло-голубого оттенка. На несколько ничего не значащих секунд они встретились с моими, пустые и с явственной ноткой страха. Это странное сочетание тревоги, невинности и порока всколыхнуло во мне смутное воспоминание о каком-то нелепом происшествии, совершенно вылетевшем у меня из памяти; кажется, я был тогда в четвертом старшем* и дело было в классной комнате. Это были глаза школьника, которого поймали с поличным на мелкой шкоде. Хотя, насколько я мог судить, ни на чем таком я его не поймал, вот разве что он думал в этот момент о чем-то неподобающем; может быть, ему показалось, что я умею читать мысли. Во всяком случае, он, кажется, не видел и не слышал, как я потянулся к нему через все купе — из своего угла в его собственный, — потому что при звуке моего голоса он вздрогнул, да так резко, что эта его нервическая реакция ударила меня, как отдача охотничьего ружья. И я инстинктивно отшатнулся.

Впечатление было точь-в-точь такое, как если бы мы столкнулись на улице лбами. Мы оба смутились, готовые рассыпаться во взаимных извинениях. Я улыбнулся, изо всех сил пытаясь его успокоить, и повторил свой вопрос:

— Прощу прощения, сэръ, у вас не найдется спички?

Но даже и теперь он не ответил сразу. Казалось, он что-то наскоро прикидывает в уме, а тем временем его нервно подрагивающие пальцы вцепились в жилет и разыграли

---

* То есть в четвертом классе старшей школы, что примерно соответствует выпускному классу в российской школьной системе. (Здесь и далее примеч. перев.)

целый каскад неуверенных, суетливых жестов. Исходя из общего смысла этой пантомимы, можно было с равной степенью вероятности предположить, что он вот-вот разденется, или достанет револьвер, или же просто решил проверить, не украл ли я у него бумажник. Затем краткий приступ агитации прошел, и взгляд стал ясным: так исчезает мимолетное облачко, оставив за собой чистое голубое небо. До него наконец дошло, чего я, собственно, от него хочу:

— Ах да. Э — конечно. Разумеется.

Он осторожно дотронулся кончиками пальцев до левого виска, кашлянул и вдруг — улыбнулся. Улыбка у него была совершенно очаровательная.

— Само собой, — повторил он. — С превеликим удовольствием.

Изящным движением двумя пальцами он порылся в жилетном кармашке дорогого на вид костюма из мягкой серой ткани и выудил золотую зажигалку. Руки у него были белые, маленькие и очень ухоженные.

Я предложил ему сигарету.

— Э — благодарю вас. Премного благодарен.

— Сначала вы, сэр.

— Нет-нет. Прошу вас.

Крошечный огонек зажигалки задрожал между нами, мимолетный, как воцарившаяся в купе душноватая атмосфера, результат нашей чрезмерной вежливости. Единственный неловкий жест, единственный выдох — и огонек погаснет; одно неосторожное слово — и атмосфера исчезнет без следа. Сигареты задымились, обе. Мы оба откинулись на спинки сидений, каждый на своем месте. Незнакомец по-прежнему не слишком-то спешил мне доверять: кто знает, не зашел ли он слишком далеко, не окажусь ли я на поверку занудой, а то и просто жуликом. Робкая его душа в любой момент была готова скрыться. А я, в свою очередь, ничего не взял почитать. И провидел впереди семь или восемь часов глухого молчания. Я решительно настроился на беседу:

— Вы не знаете, в котором часу мы будем на границе?

Позже, вспоминая об этом разговоре, я никак не мог понять, что в этом вопросе было такого необычного. Да меня и в самом деле совершенно не интересовал ответ; я всего лишь хотел спросить о чем-нибудь, с чего можно начать разговор и в чем нельзя было бы при этом заподозрить ни дерзости, ни излишнего любопытства. Однако действие на незнакомца мой вопрос произвел прелюбопытнейшее. Мне определенно удалось разжечь в нем интерес к своей персоне. Он окинул меня долгим подозрительным взглядом, и черты его лица едва заметно затвердели. Это был взгляд игрока в покер, которому внезапно приходит в голову, что у противника на руках флеш-рояль и что теперь вести себя придется крайне осторожно. Наконец он ответил, медленно и тщательно подбирая слова:

— Боюсь, что точно вам сказать не смогу. Но, должно быть, где-нибудь через час.

Его взгляд, на секунду потерявший былую напряженность, опять потемнел. Его явно мучила какая-то крайне неприятная мысль, и он даже чуть-чуть отдернул голову, как от назойливой осы. А потом вдруг добавил с неожиданно прорезавшейся сварливой интонацией:

— Эти мне границы... такое ужасное неудобство.

Я был не совсем уверен, как мне следует на это реагировать. У меня промелькнула мысль: а что, если он состоит членом какой-нибудь умеренной интернационалистической организации, вроде Союза Лиги Наций. Я решил рискнуть:

— Давно пора от них избавиться.

— Совершенно с вами согласен. Давно пора.

В искренности его реакции сомневаться не приходилось. У него был крупный, туповатый и мясистый нос и подбородок, который, казалось, привычно съехал на сторону — как сломанная гармоника-концертина. Когда он начинал говорить, подбородок выписывал самые немислимые фигуры, а на щеке возникала глубокая, сложной конфигурации ямочка, похожая на шрам. В сравнении с ру-

мяными щеками лоб был мраморно-белым, как у античной статуи; на лбу лежала замысловато выстриженная темно-русая с проседью челка: тяжелая, компактная и плотная. Приглядевшись повнимательней, я с немалым интересом обнаружил, что он носит парик.

— А в особенности, — я поспешил развить успех, — ото всех этих бюрократических формальностей: проверки паспортов и тому подобного.

Стоп. Все назад. По выражению его лица я сразу понял, что затронул какую-то новую, весьма тревожную ноту. Мы говорили на схожих, но по сути разных языках. Впрочем, на сей раз в реакции незнакомца элемент недоверия отсутствовал совершенно. С обезоруживающей миной неприкрытой, искренней заинтересованности он спросил:

— А у вас когда-нибудь бывали с этим сложности?

Станным мне показался не столько сам вопрос, сколько та интонация, с которой он был задан. Дабы не выказать удивления, я улыбнулся:

— Да нет конечно. Наоборот. Они ведь чаще всего даже не дают себе труда открыть багаж; что же до паспорта, они туда вообще едва заглядывают.

— Везет же некоторым.

Все, что я подумал по этому поводу, должно быть, достаточно ясно отразилось на моем лице, и он спешно добавил:

— Я знаю, оно, конечно, нелепо с моей стороны, но я совершенно не переносу, когда меня принимают за тереть, поднимать с места — обыскивать...

— Что ж тут такого? Прекрасно вас понимаю.

Я улыбнулся еще раз, мне показалось, я понял, что к чему. Старичок всего лишь навсего — невиннейшим образом — пытался провезти какую-нибудь копеечную контрабанду. Отрез шелка жене или другу — коробочку сигар. А теперь, естественно, перепугался. На вид он был достаточно состоятельным человеком, чтобы заплатить любую пошлину за что угодно. Впрочем, у богатых свои причуды.

— Так значит, вы в первый раз едете через эту границу? — спросил я тоном добродушным и покровительствен-

ным. Я не дам ему упасть духом, а если дело примет нежелательный оборот, подскажу какую-нибудь подходящую к случаю ложь, способную смягчить сердце таможенника.

— Нет, в последние годы — нет. Обычно я езжу через бельгийскую границу. В силу ряда причин. Н-да.

Выражение лица у него снова сделалось несколько отсутствующим, он помолчал и с мрачным видом поскреб подбородок. Потом внезапно что-то заставило его вспомнить о моем присутствии:

— У меня такое впечатление, что на данной стадии нашего с вами знакомства мне следует представиться. Артур Норрис, джентльмен. Или удобнее будет сказать: человек со средствами? — Он нервически хихикнул, но тут же испугался и вскинулся. — Нет-нет, я вас умоляю, не нужно вставать!

Но мы сидели слишком далеко друг от друга, чтобы обменяться рукопожатием, не поднимаясь с места. Компромиссным решением стал обмен полупоклонами сидя, от пояса.

— Меня зовут Уильям Брэдшоу, — сказал я.

— Боже правый, а вы по случайности не из саффолкских Брэдшоу?

— В общем, да. До войны мы жили неподалеку от Ипсуича.

— Да что вы говорите? В самом деле? Одно время я частенько наезжал к миссис Хоуп-Лукас. У нее было славное такое имение возле Мэтлока. А до замужества она была Брэдшоу.

— Да, совершенно верно. Это моя прабабушка Агнес. Она умерла лет семь назад.

— Правда? Боже мой. Какая жалость... Конечно, мы с ней приятельствовали, когда я был еще совсем молодым человеком; а она была, скажем так, дамой средних лет. В общем, речь идет о девяносто восьмом годе.

Тем временем я потихоньку разглядывал его парик. Мне еще ни разу не доводилось видеть такой тонкой работы. На затылке, где он постепенно переходил в собственные воло-

сы мистера Норриса, разглядеть границу было совершенно невозможно. Вот разве что пробор сразу бросался в глаза, но даже и он, на расстоянии трех-четырех ярдов, вполне прошел бы не слишком строгую призывную комиссию.

— Н-да, ничего не скажешь, — вздохнул мистер Норрис. — Боже мой, до чего тесен мир.

— С матушкой моей вы, конечно, не знакомы? А с дядей, адмиралом?

Я смирился с необходимостью поиграть в игру под названием «найди общих знакомых», скучную, но невзыскательную, которая могла длиться часами. Я уже видел в перспективе целую череду обязательных ходов — дядюшек, тетюшек, кузенов, их владений и свадеб, завещаний, закладных и купчих. Затем переход к частной школе и университету, обязательно сравнить впечатления о качестве еды, обменяться анекдотами о преподавателях, знаменитых матчах и состязаниях по гребле. Все было расписано вплоть до мельчайших подробностей, до интонации.

Но, к моему немалому изумлению, мистер Норрис, как выяснилось, вовсе не горел желанием играть в эту игру. Он торопливо ответил:

— Нет, боюсь, что нет. После войны я как-то растерял связи со своими английскими друзьями. По большей части приходилось жить за границей.

Он сказал «за границей», и мы оба автоматически посмотрели в окно. Голландия скользила мимо легко, как послеобеденный сон: плоский заболоченный пейзаж с бесшумным электропоездом, идущим по насыпи вдоль канала.

— Вы хорошо знаете здешние места? — спросил я. С тех пор как я заметил парик, у меня отчего-то уже не получалось называть его «сэр». К тому же, если он носил его нарочно, чтобы казаться моложе, было бы откровенной бестактностью с моей стороны настойчиво подчеркивать разницу в возрасте.

— Я довольно хорошо знаком с Амстердамом, — мистер Норрис быстрым нервическим движением потер подбородок. Это было нечто вроде тика: потереть подбородок

и открыть при этом рот, словно ощерившись, но без всякой свирепости в выражении лица — как старый лев в зоопарке. — Н-да уж, довольно хорошо.

— Хотел бы я там побывать. Должно быть, тихое и мирное местечко.

— Совсем наоборот. Уверяю вас, это один из самых опасных городов Европы.

— В самом деле?

— Да-да. Я ужасно привязан к Амстердаму и тем не менее всегда говорил: ему присущи три губительнейших недостатка. Начнем с того, что лестницы во многих домах уж такие крутые, что нужно быть профессиональным скалолазом, чтобы взбираться на них, не рискуя при этом схватить инфаркт или свернуть себе шею. Во-вторых, мотоциклисты. Они в буквальном смысле слова наводняют город и, кажется, считают делом чести ездить по улицам без какого бы то ни было уважения к человеческой жизни. Не далее как сегодня утром я буквально чудом избежал смерти. А в-третьих, там ведь каналы. Летом, знаете ли... такая антисанитария. Ну то есть полнейшая антисанитария. Я вам передать не могу, чего я только там не перенес. Каждую неделю — ангина, как будто по расписанию.

К тому времени как мы добрались до Бентгейма, мистер Норрис успел прочесть целую лекцию об основных неудобствах главнейших европейских городов. Прежде всего меня поразила широчайшая география его путешествий. Он страдал от ревматизма в Стокгольме и от сквозняков в Каунасе; в Риге он скучал, в Варшаве с ним обошлись в высшей степени неуважительно, в Белграде он не сумел отыскать своего излюбленного сорта зубной пасты. В Риме ему досаждали насекомые, в Мадриде — нищие, в Марселе — клаксоны такси. В Бухаресте у него был неприятнейшего рода опыт с ватерклозетом. Константинополь он находил дорогим и безвкусным. Единственные два города, к которым он относился в высшей степени одобрительно,

были Париж и Афины. Афины в особенности. В Афинах он отдыхал душой.

Поезд остановился. Бледные, плотного телосложения мужчины в синих мундирах вышагивали по платформе с той смутно зловещей неспешностью, которая вообще свойственна должностным лицам на приграничных станциях. Что-то в них было от тюремных надзирателей. Складывалось впечатление, что никто из нас дальше не едет. В дальнем конце коридора эхом отдался голос: «*Deutsche Pass-Kontrolle*».

— Наверное, — светски улыбаясь, сказал мистер Норрис, — одно из самых светлых моих воспоминаний связано с бесцельными утренними прогулками по всем этим чудным старым улочкам за храмом Тесея.

Нервничал он страшно. Его ухоженная белая рука безостановочно теребила на мизинце кольцо с печаткой; беспокойные голубые глаза то и дело бросали быстрые взгляды в коридор. Голос сделался фальшивым; пронзительный, исполненный натужного игривого веселья, он более всего был похож на голос персонажа из довоенной салонной комедии. Говорил он очень громко, настолько, что его наверняка было слышно в соседнем купе:

— Там постоянно натыкаешься, причем совершенно неожиданно, на самые что ни на есть удивительные уголки. Одинокая колонна, которая возвышается посреди груды мусора...

— *Deutsche Pass-Kontrolle*. Приготовьте, пожалуйста, паспорта.

В дверном проеме нашего купе появился человек в мундире. При звуке его голоса мистер Норрис вздрогнул — не сильно, но вполне заметно. Стараясь дать ему побольше времени на то, чтобы совладать с нервами, я торопливо протянул чиновнику свой паспорт. Как и следовало ожидать, он едва на него взглянул.

— Я еду в Берлин, — сказал мистер Норрис, с очаровательной улыбкой вручая чиновнику паспорт; очаровательной настолько, что она изрядно проигрывала в ес-

тественности. Чиновник никак на нее не отреагировал. Буркнув в ответ что-то невнятное, он продолжал с видимым интересом листать паспорт, а потом вынес его в коридор, встал поближе к окну и стал рассматривать страницы на свет.

— Весьма примечательно, — беззаботным тоном продолжил мистер Норрис, обращаясь к мне, — что во всей классической литературе вы не найдете ни единого упоминания о холме Ликабет.

Я был просто поражен, увидев, в каком он состоянии; пальцы у него дрожали, голос, казалось, вот-вот выйдет из-под контроля. На мраморно-белом лбу выступили бисеринки пота. Если именно это он имел в виду, когда говорил о том, что не любит, когда его начинают «теребить», если всякий раз, обходя служебные инструкции, он впадал в такую же панику, то облысеть он мог еще в молодости — от одних только нервов. Он бросил в коридор быстрый, совершенно отчаянный взгляд. Подошел еще один чиновник. Повернувшись к нам спиной, они принялись изучать паспорт уже вдвоем. Откровенно героическим усилием воли мистер Норрис умудрился не сбиться с беззаботной интонации разговорчивого гида.

— Насколько нам известно, в древности там должны были кишмя кишеть волки.

Паспорт перекечевал в руки второго чиновника, и тот взял его с таким видом, будто вот-вот готов был унести паспорт с собой. Его коллега сверился с маленькой, черной, изрядно замусоленной записной книжкой. Потом поднял голову и отрывистым тоном спросил:

— В настоящий момент вы проживаете на Курбьештрассе, 168?

На секунду мне показалось, что вот сейчас мистер Норрис упадет в обморок.

— Э — да... так точно...

Как пташка перед коброй, он был не в силах оторвать от своего мучителя беспомощного и замороженного взгляда. Он словно ждал, что его арестуют прямо здесь и сейчас.